

18+

Ольга Владимировна
Степанова

Быть Кали

Ольга Степанова

Быть Кали

«Издательские решения»

Степанова О. В.

Быть Кали / О. В. Степанова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-626810-4

Трилогия «Быть Кали» — это три рассказа, не связанные сюжетной линией, но объединенные одной темой женской разрушительности. Рассказы идут по возрастающей осознанности героинь и возрастающей степени контакта со своей разрушительной частью и, следовательно, степени управления ею. Кали — богиня смерти, разрушения, она может уничтожить мир до основания, а остановить ее может только танец ее мужа Шивы. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-626810-4

© Степанова О. В.
© Издательские решения

Содержание

БЫТЬ КАЛИ	6
1. Чай	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Быть Кали

Ольга Владимировна Степанова

© Ольга Владимировна Степанова, 2024

ISBN 978-5-0062-6810-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЫТЬ КАЛИ

1. Чай

Штора топорщилась на самом видном месте, разрушая гармонию, купленную у дизайнера за большие деньги. Элеонора сжималась от этого, но, замерев с чашкой кофе в руке, не шла ее поправлять. Вместо побуждения к действию съехавшая штора вызывала в ней такую гамму труднопереносимых чувств, что силы покидали и без того, не особо активную женщину. Очень обессиливающие чувства, какое-то почти горе, получавшееся в результате того, что она делает, делает, делает, столько сил и трудов вкладывает в семью, в дом, старается, и никто ей не помогает, а только мешают. В такие моменты начинало ей казаться, что само присутствие всех этих людей (хотя, собственно, речь шла только о муже и сыне) выбивает ее из равновесия и лишает возможности хоть что-то контролировать. Вот и этот шторный диссонанс, наверняка был результатом широкого размашистого мужа, или неряшливого непослушного сына. Ну то есть, вот иногда он был совершенно послушным, и даже очень старательным, и даже можно сказать иногда навязчивым в своем стремлении порадовать ее, таким навязчивым, что тоже раздражал, и хотелось его оттолкнуть... Но в общем-то слушался в такие моменты. А иногда, совершенно внезапно для нее он становился каким-то неуклюжим, неуправляемым, все рушащим, не слышал никаких «стоп» и «перестань», и даже горестные причитания матери не долетали до него в хохоте одержимости. Приходилось становиться очень презрительной и ледяной, приходилось отворачиваться, поджимая губы и подбородок. Но иногда даже это переставало иметь эффект. Как же она устала! Как же раздражало ее все это окружающее движение! Неужели нельзя оставить ее в покое, не мельтешить, не гроыхать, не сопеть? Не трогать шторы!

Элеонора чувствовала себя несправедливо обделенной хорошей жизнью, хорошим отношением, благодарностью, ей казалось, что ее мучают буквально все. Такое напряжение, такое раздражение... И все это совершенно обессиливает...

Ворвался муж. Он всегда так врывается в пространство, как будто идут военные действия, и ему был отдан самый срочный из всех приказов. Конечно, это пугало Элеонору, каждый раз она вздрагивала вся, сжимала зубы и закатывала глаза.

– Дорогая, ты идешь?

Пауза. Такая неприятная пауза, когда вот вроде можно показать ему, как он плохо делает, что так по-солдафонски ходит, когда говорит формально вежливо, а слышно, как он нетерпелив, и хочется побыть в этой паузе подольше, чтобы он прочувствовал свою вину, испугался, чтобы понял, как он зависит от нее, но к сожалению действительно нужно было уже торопиться, и затягивать поэтому нельзя, а такой короткой паузы никогда недостаточно для того, чтобы восстановилась наконец справедливость, чтобы она, так много терпящая от этого борова, наконец-то почувствовала, что он все осознал, что больше не будет столь непочтителен и будет готов ее ждать, хоть 10, хоть 20 минут, хоть всю жизнь.

Такие вот обстоятельства, приходится встать и идти, не получив желаемого. Когда же уже наконец его отношение к ней будет всегда идеальным?

Элеонора встала, изображая обреченную покорность. Такая вот послушная и милая, в сказках такие «Настеньки» были одаряемы высшими силами, а в жизни только и достается, что муж, который видя, что она уже встала, она уже идет, все равно закатывает глаза. Что ж он думает, что она не видит этот закат? Хамло.

Они дошли до большой серебряной машины. Не сразу, конечно, ей пришлось задержаться на выходе у зеркала, чтобы поправить макияж, от чего муж повторил закат, на этот раз правда успев отвернуться. В машине уже ждал сын одетый и пристегнутый. Такой он маленький был раньше, такой милый, столько рождал тепла, а теперь все больше становился похож на отца, плечи становились шире, руки какие-то длинные и нескладные, он, кажется, даже

мучался от них, не знал куда их деть, такие длинные стали руки. А ведь ему всего 8, что же будет дальше? Мама была права, когда говорила, что дети только до 5 лет очень сладенькие, а дальше становятся невообразимо противными и начинают вонять. Элеонора раньше с сомнением слушала мать, но убедилась в ее правоте на личном опыте. Ее иногда посещала тревожная мысль, что может быть что-то не так с ней, но успокаивала себя тем, что такова природа людей. Мама ее так чувствовала, она так чувствует, это такая женская доля, терпеть всю жизнь мужчин, детей.

Сын еще собаку просит... Господи, какая собака? При мысли, что к ней подходит какое-то животное и трется даже и об ногу, она вся съезжилась от отвращения. Нет, это такой стресс, и так слишком много стресса в жизни, а еще нужно будет столько труда и усилий. Собака будет адом.

Они ехали молча, но муж периодически поглядывал на Элеонору и от чего-то слишком часто моргал. Она, конечно, заметила это, но молчала, потому что если уж ему надо, то пусть он и начинает разговор. Наконец он разродился:

– Няня написала, что не может сегодня отвести Марка на музыку.

Элеонора ощутила, как мир всей своей тяжестью рухнул на ее хрупкое существо, да так, что аж в горле стал ком. За что мне этот ежедневный бред, договариваешься с человеком, рассчитываешь, а человек подводит, да еще передает это почему-то не лично ей. Ей захотелось высказать все, что она думала про эту няню, которая уже порядком ей надоела. Но нельзя ронять лицо, надо всегда держать лицо, и поэтому она только цыкнула, и отвернулась.

А муж почему-то все равно надулся.

Этот муж...

Игорь.

Элеонора помнила, как он ходил за ней с потерянными лицом, заискивал, такой крупный, даже горбился при виде ее хрупкой женственности. Они с подружками смеялись, ну что это за имя такое Игорь? Такие и родители у него: ни ума, ни вкуса. А он так много делал для нее, так старался, таскался за ней везде. В общем, в какой-то момент она решила, что можно уже быть и добрее к нему. Пришлось, конечно, ставить условия, направлять, учить. И он улучшился. Раньше на него без слез и смотреть было невозможно, теперь же стал такой солидный, интеллигентный, должность высоченная. И все это ее руками! Эта мудрость, что за спиной каждого успешного мужчины стоит женщина, подтверждалась ее жизнью, ее успехом. Ну то есть успехом мужа, конечно, но она прекрасно знала, сколько усилий было вложено ею самой, сколько мудрости передано, сколько давления оказано, чтобы он не упускал там, где мог упустить, чтобы делал вовремя и правильно, чтобы общался только с теми, с кем надо.

А теперь его лицо такое злое. Как это несправедливо, как низко быть таким неблагодарным. Что-то еще смущало...

– А почему она пишет тебе?

Его лицо на мгновение расслабилось, он как будто действительно не знал, пожал плечами, а потом вернулся обратно во мрак.

– Надо поискать другую няню, эта уже второй раз подводит.

Игорь нахмурился.

– Так первый раз был, по-моему, год назад, если не больше. – пауза – Она очень извинялась, заболела.

– Мам, мне очень нравится няня Таня! – испугался на заднем сиденье Марк.

Элеонора понимала, что у нее не хватит сейчас душевных сил справиться с ними двумя, поэтому решила не продолжать. Но совсем промолчать и оставить все, как есть, не было никакой возможности.

– Это не профессионально.

Игорь довозил жену до департамента, где та работала с самого окончания университета, а потом завозил Марка в школу. Он обязательно отзванивался ей, когда Марк заходил в школьное здание, ей так было спокойнее, так она не переживала, что что-то пошло не так.

Однажды, еще в первом классе Марк перепутал корпуса, потерялся в коридорах, и бродил там минут 5, его нашел охранник, звонил ей. В общем, тот день на валидоле она не забудет никогда, так было страшно и стыдно. Этот мальчик, к сожалению, требовал постоянного контроля, никакой собранности. После этого была выработана процедура, теперь только, когда муж убеждался, что сын зашел в нужный корпус, уезжал и сообщал ей.

Обычно она уже заходила в кабинет, когда муж отзванивался ей, что Марк зашел, и часто она заходила, разговаривая по телефону, и только положив трубку здоровалась. Это было приятно. Все знали, что звонит ей муж, что он внимателен к ней, тянется. В такие моменты Элеонора чувствовала себя как бы нарасхват, и на работе она нужна, и семья не отпускает. Внешне ее отношения с мужем выглядели безупречно, и она, кажется, даже физически ощущала зависть коллег женщин. Ну а что поделать, кому-то повезло больше, кому-то меньше. Хотя ей было ясно, как Божий день, что везение тут ни при чем, надо быть умной, правильно вести себя с мужчинами, уметь поставить их на место. Отношения – это наука, но для некоторых она, видимо, оказывается слишком сложна.

Собственно, в отделе, где она работала, все коллеги были женщины, и все кроме нее были, мягко говоря, не сильно успешны в личной жизни: или одиноки, или в неудачном браке. По сравнению с ними она чувствовала себя на вершине социальной иерархии, а когда ловила себя на мысли, что у нее в семье тоже все не так гладко, успокаивала себя тем, что размолвки у супругов случаются, даже в крепких бараках, а уж если сравнивать ее семейную жизнь с жизнью этих дам, то и в самом деле можно счесть ее эталоном.

И дело было не только в том, что ее Игорь был самый успешный из мужей ее сокабинетчиц, и не только в том, что денег было у них больше, чем у других. Основа ее гордости, опора ее уверенности заключалась в том, что она точно знала, что мужу она была нужнее, чем он ей. Как в том фильме «один любит, другой позволяет себя любить», так и она позволяла, и в страшном сне видела такую жизнь, как у ее коллеги, работающей за соседним столом, у которой было трое детей и вечно заискивающий тон при разговоре со своим муженьком. Вот уж кто не мог поставить себя в отношениях, а потому и одевалась вечно в тряпье. Ни ума, ни вкуса. Иногда ее конечно было жалко чисто по-женски, но Элеонора всегда говорила себе, что она взрослый человек и сама выбирает как ей жить и с кем, в конце концов зачем было столько рожать, если вы не миллиардеры?

Про других двоих и говорить было нечего: одна разведенная, другая вообще никогда за мужем не была, хотя говорили, что у нее были какие-то романы, и даже кажется с кем-то женатым. Что тут скажешь, когда самоуважения у человека ноль?

Сама по себе работа удовольствия никакого не приносила, только стресс. Документы, правки, сверки. Да и какое может быть удовольствие от работы? Такие речи произносят какие-то невменяемые люди, которые никогда, наверное, и не испытывали настоящих удовольствий, потому что те им не по карману. Вот она, например, с мужем была как-то в Италии, в одном ресторанчике с потрясающим вином на море и пиццей на тончайшем тесте, а потом они катались на дорожном катере, и смотрели салют в бухте, уставленной яхтами богачей. Какой же тогда у нее был восторг! И ведь тогда казалось, что жизнь будет именно такой всегда, ведь она это все заслуживает. Боже, какая же она была легкая и даже наивная, но все-таки уже с присутствием интеллекта. Тогда Игорь ей даже нравился, он так ухаживал, так предупреждал ее

желания, что она чувствовала себя на своем месте, с ее красотой, умом и воспитанием она была достойна этого, как никто другой.

Потом Игорь стал бесить, пропал его изначальный огонь. Ей иногда начинало казаться, что может быть, она в нем все-таки ошиблась. Ведь настоящий мужчина был бы внимателен к своей избраннице всегда, а не только в круизах, не только в первые годы барака, а всю жизнь. Но она успокаивала себя тем, что это тоже поправимо, надо только нажать, добавить, подобрать слова, чтобы исправить его свернувшее не туда поведение.

Ей вспомнился другой ухажер из юности, Дима, рядом с которым с ней происходили совершенно непонятные вещи, она замирала, задыхалась, ее то трясло, то парализовывало, а он был всегда таким веселым и раскидистым, и совершенно неуловимым. Занят был вечно не пойми чем, какой-то детский сад постоянно, то футбол, то музыка, хотя он был старше ее лет на 5. Гулял с Элеонориными подругами иногда, потому что одна из них играла с ним в группе. То же такая подруга, конечно, девочка, а ходила в гараж играть на гитарах с мальчиками, и сама была как пацан. Кошмар короче, но Дима был очень энергичным, таким мощным, из него бы вышел толк, только нужна была нормальная женщина, чтобы воспитала. Вот он бы, наверное, смог быть вечным кавалером для своей избранницы, столько энергии было в нем. Так у настоящего мужчины должно проявляться уважение к себе, через создание своей жене рая на земле.

Элеонора в последнее время думала о нем все чаще, и ей казалось, что она тогда дала маху, упустила эту возможность, что-то сделала невовремя или не впопад, она не понимала тогда, что он может не понять, что он может ее не разглядеть.

Но что ж теперь об этом горевать. Такой вот теперь муж, этот Игорь. И все равно, ободряла себя немного загрустившую Элеонору, по сравнению с этими дамами, я все равно на вершине.

За этими раздумьями прошел час, традиционно ухидивший на кофе и сплетни. Сегодня обсуждали что-то бурное, и между коллегами даже возник веселый спор. Элеонора не сразу вынырнула из своих раздумий, но громкость голосов нарастала и ей пришлось сфокусироваться на происходящем.

– Девочки, девочки, да ладно вам, я тут статью читаю смотрите какую, хахаха, про женский оргазм.

Все захихикали, засмутились, и Элеонора тоже хихикнула, и глаза ее подобрели от веселья, хотя она не забыла добавить каплю осуждения на лицо.

– Вот послушайте, только 30 процентов женщин регулярно испытывают оргазм, а 20 процент женщин, вообще никогда его не испытывало. А среди тех, кто испытывает, клитор...

– О, господи, не надо такое читать!

Женщины уже откровенно смеялись.

– Как они эту информацию собирали?

– Да, меня вот лично никто не опрашивал, и вас, я думаю, тоже.

– Фантазеры, – сказала, смеясь Элеонора, но глаза ее стали беспокойны, но в животе появилось знакомое отвратительное чувство.

Называть его Элеонора никогда не хотела, ей только становилось очень неприятно, что ей приходится такое выносить. Она не могла сказать себе испытывала она оргазм или нет, ей вообще было сложно понять, получала ли она удовольствие от... этого. Внимание мужа было, конечно, приятно, но гораздо приятнее было чувствовать свою власть, когда она понимала, что он ее хочет, что он нуждается сейчас в ней и доходит в своем желании до высшего напряжения.

А эти физические скольжения и трения, вызывали скорее раздражение, а иногда и отвращение. Она думала в процессе о том, что испачкается ее красивое постельное белье из египетского хлопка, о том, что от всех этих мокрых дел, на ее нежной коже там может начаться раздражение. Ей хотелось всегда выглядеть идеально, а тут никогда не было до конца понятно,

как на самом деле она выглядит в каждый конкретный момент действия, и периодически ее охватывал настоящий ужас от мысли, что она может предстать перед ним в невыгодном свете.

Ей было странно знать, что есть такие женщины, которые еще и иницируют секс, что-то делают для этого, как-то специально соблазняют. Это вовсе не укладывалось у нее в голове, это же потеря всех привилегий, женщина должна держать верх в отношениях, и делать это возможно только одним способом. Недоступная, сияющая в своем совершенстве, вот та женщина, которая может сохранить брак на много лет, для которой мужчина будет завоевывать государства и брать новые вершины. Ради того, чтобы добиться ее улыбки и сияющих глаз он всю жизнь будет стараться предвосхитить ее ожидания, а поцелуй такой женщины будет бесконечным источником мотивации для него.

И вот уже успокаивающий ход мыслей сменил ее минутную панику на теплую, спокойную уверенность своей правоты, своего превосходства. Нужно же правильно вести себя, правильно ставить себя изначально в отношениях с людьми, думать о том, кто в ком будет больше нуждаться, чтобы нуждались всегда в тебе.

Ей стало так спокойно и даже весело, что она окончательно отогнала от себя мысль о том, что ей может быть нужен какой-то там оргазм, и даже улыбнулась насколько могла дружелюбно продолжавшим шутить и хохотать коллегам.

Начальница принесла ей небольшой документ для работы, и она с неожиданным удовольствием принялась за работу. Приятно ощущать свою значимость, труд ее был не абы какой, нужно было хорошо понимать компьютер, чтобы так справляться, как могла это она.

К обеденному перерыву, ровно в 12:29 она уже была одета в благородный серый тренч, держала в руках новую кожаную сумку, и переобулась в свои очень дорогие лоферы на удобном каблуке. Все эти вещи дарили ей уютную теплоту внизу живота и груди, и делали взгляд загадочно-удовлетворенным. Как только на мониторе число 29 сменилось на 30, она направилась в ведомственную столовую, пообедать с подругой из другого отдела, а потом прогуляться по осеннему скверу, чтобы уже наедине с ней рассказать последние новости, горести и радости.

Настроение ее было прекрасным, воздух чистым и прозрачным, небо синим, листья желтыми, в общем идеальная иллюстрация успешной жизни. Ее успешной жизни. Они шли с подругой и хихикали над неудачливыми дамами с работы, и вдруг взгляд ее зацепился за что-то как будто знакомое. Она даже приостановилась, чтобы присмотреться.

Муж?

В первое мгновение Элеонора не могла понять, что она видит, ну то есть объяснить могла, а осознать нет. Она могла проговорить про себя или даже в слух, что вот ее муж стоит и целует какую-то другую девушку, но что это означало ее сознание какое-то время отказывалось понимать. Потом шок сменился на ощущение нереальности происходящего, стали возникать предположения о том, что это может значить, кроме очевидного, конечно. Но ее подруга первая нарушила молчание.

– Элечка...

И такая унижительная жалость была в ее голосе, что Элеонора мгновенно опомнилась, и тут же пришла в ужас от того, что ее позор видит человек, с которым она дружила, собственно, из снисхождения, и жалеет ее. Внутри нее все обрушилось, живот премерзко скрутило льдом, нахлынула тошнота, и сердце заколотилось с такой силой, что дыхание стало частым и каким-то отрывистым.

Но двигаться она еще не могла, тело пока не вышло из оцепенения, и тут вновь ее вынудила пробудиться подруга, она зачем-то окрикнула ее мужа по имени, и он обернулся. Элеоноре захотелось ее ударить со всей силы пусть и дорогой, но тяжелой сумкой за такую

выходку, но она увидела, что муж обернулся, и уже не могла отвести от него взгляд. А обернулся он довольно нервно, однако, когда он увидел свою жену, свою Элеонору, он почему-то даже не смутился, он закатил глаза и отвернулся в другую сторону с раздражением. Девушка была смущена, удивлена, а он зол, и мучительная тошнота захватила все тело потрясенной женщины.

Муж еще пару мгновений держал руки той девушки, потом сказал ей что-то и направился к жене. Злой. Почему он злой? Он же должен быть раздавлен! Если это какая-то его глупость, если это случайная интрижка тупого животного, который не брезгует потаскухой, раздвигающей свои ноги перед женатыми мужиками, то он должен смотреть глазами побитой собаки, должен сгорбленный подбегать, и умолять, умолять!!! Но он подошел резкий, ровный, напористый, коротко поздоровался с подругой и, взяв Элеонору за одно плечо, отвел ее немного в сторону, чтобы поговорить наедине. Она же дернула плечом и, давая понять ожившим телом, по которому теперь разливался огонь гнева, что она не хочет никаких прикосновений, все-таки отошла с ним. Он убрал руку, он не стал настаивать на контакте, отчего ей сделалось опять тошно, и она вдруг очень четко поняла, что никакой власти у нее над ним уже нет. А когда он заговорил, с каждым его словом она ощущала себя все более жалкой.

– Послушай, мне жаль, то ты вот так об этом узнала, я понимаю, что вышло очень нехорошо, – при этом Элеонора пыталась делать строгое лицо, но оно почему-то тряслось. Видя это, муж немного смягчился. – Я не хотел такого поворота, я не специально пришел сегодня с ней сюда, так вышло.

Элеонора молчала. Он замялся немного, по очень быстро настроился на прежнюю волну.

– Я собирался тебе сказать, чтобы все было по-честному, я не обманщик, но я встретил другую женщину, это Настя, мы любим друг друга, и я хочу развод. Я бы очень хотел, чтобы наш сын жил со мной, Настя не против, но я не хочу портить тебе жизнь, поэтому вполне согласен, если у нас будет совместная опека. Дом я оставляю тебе. Я уже купил для нас с Настей новый дом, недалеко от школы Марка.

Элеонора молчала, она смотрела в одну точку и все силы ее тела уходили на то, чтобы оставаться так стоять и не кричать.

– Ты слышишь меня?

– Да, – ответила она довольно спокойно.

– Я рад, что ты не скандалишь, конечно, я понимаю, что вышло нехорошо...

Он выдохнул, глянул на свою Настю, и собрался заканчивать этот разговор. Потянулся было рукой чтобы взять пока еще жену за плечо, но та вздрогнула, и он распрямил пальцы, сделав прощальный жест.

– Ладно, мне бежать надо сейчас, очень срочно, мы вечером дома поговорим по-человечески. Пока.

И побежал к Насте. Побежал. Радостный. Так радостно на нее смотрел. Что же это такое? Подруга подскочила с перепуганным лицом.

– Ты как?

– Нормально, – соврала Элеонора.

– Пошли, пошли, обед заканчивается. Или ты может быть отпросишься сегодня?

– Нет, нет, я не могу подводить людей, много работы же.

– Ой, – Она даже приобняла участливо разбитую внезапным горем подругу, от чего ту опять затошнило – Справятся там без тебя, не переживай, работа не главное...

И что-то еще такое дежурное, чего Элеонора уже не слушала.

Они пошли обратно на работу, подруга щебетала и теребила плечи Элеоноры, а она пыталась говорить о каких-то совершенно отвлеченных вещах, серьезно и глубоко обсуждая то, что они обсуждали до катастрофы.

В офисе Элеонора пару часов пребывала в трансе, ей никак не удавалось вернуться в колею успокоительного построения мысленных конструкций, которые бы дали ей ясность и опору. Сознание металось в тщетных попытках построить хотя бы приблизительно такое будущее, которое могло бы быть хоть как-то сопоставимо с жизнью.

И вдруг пришло очередное осознание: все эти женщины, все эти убогие узнают об этом и будут ее жалеть. На секунду ей показалось, что сейчас она потеряет сознание, и возможно это было бы лучшим исходом, впасть в кому прямо сейчас, чтобы только не проходить через этот ад.

Она как могла собралась с силами и решила, что еще не все потеряно. Такие вещи не могут случаться в одно мгновение и так внезапно, вечером они обязательно поговорят, и она выяснит все обстоятельства, она убедит его в том, что он совершает глупость. Потому что это все просто невозможно, все было хорошо, и вдруг ни с того ни с сего...

С таким планом можно было как-то справляться с действительностью, которая не оставалась ни на секунду и вторгалась в ее мир то работой, то глупыми вопросами коллег, про то, ставить ли на нее чайник. Делайте, что хотите, хоть сгорите к черту, думала она, но отвечала, конечно, так, будто ничего не произошло.

До дома она добралась сама, на такси. Так было все последние годы, потому что муж заканчивал работать позже, но теперь она уже не была уверена в этом. Она то думала, что отлично его знает, что он конечно немного трудоголик, но зато не лентяй и не помешанный на сексе, короче приличный мужчина, который только и нуждался, что в разумном руководстве и грамотной мотивации. Ей казалось, что ее методы в этом направлении безупречны, она то умела держать себя в руках, не была как это мерзко говорили «слаба на передок», и часто смеялась с подругами над такими дурами, которые не могут месяцами держать своих мужчин на голодном пайке, чтобы те приползали к ним, как к ней раньше ее муж.

Что же она упустила? Ее швыряло из трезвого анализа своих методов в панику от уезжающего из-под ног пространства. Она ходила по дому намечая места, где будет разговаривать с ним сегодняшним вечером, где будет выгоднее сесть, чтобы казаться наиболее раненной. Ей хотелось, чтобы он увидел какая она гордая, что, даже будучи несправедливо оскорбленной его интрижками, она может держать себя в руках и ни за что не станет за него цепляться. Хотя всплакнуть скорее всего будет даже выгодно, но не сильно, так чтобы он видел, как она борется со своими чувствами и с жестокостью жизни.

Такие приготовления вдохновили Элеонору, она вновь почувствовала себя уверенней и даже подумала, что возможно вся эта история в итоге окажется ей даже на руку, он теперь будет по гроб жизни виноват перед ней, а она сможет быть святой, простившей непутевого мужа из великодушия и ради ребенка, конечно.

Несколько продуманных фраз, некоторые были произнесены великолепными героинями ее любимых фильмов, приготовленных для поединка окончательно ее успокоили, и теперь она уже не с тревогой, а даже с предвкушением ожидала его появления, выбрав для первого его взгляда самое выигрышное положение: она сидит в кресле в гостиной прямо напротив двери, так что входя в дом и сделав всего два шага он увидит ее, полулежащую в этом кресле, одной рукой обхватившую подушку, а пальцами другой поддерживающей свою склоненную в печали голову.

И сцена удалась. Он зашел в дом, сделал ровно два шага и увидел ее. Но он почему-то промолчал, так что ей самой пришлось открыть глаза и сделать удивленный вид, как будто она и забыла, что он должен был прийти.

– А это ты?

Что-то опять было не то с его лицом, оно было недостаточно виноватым, и что-то еще мешало. Отвращение?

– Привет, – наконец-то сказал он и исчез в прихожую снимать обувь.

Элеонора почувствовала сначала раздражение, а потом тревога опять охватила ее всю. Что ж он за идиот такой!

Она продолжила сидеть так, чтобы все-таки разговор шел по ее сценарию, а муж спокойно разулся, повесил пиджак, и вошел в гостиную, и только один раз взглянул на нее как-то исподлобья. Но Элеонора не отчаивалась, она продолжала держать лицо, отстраненное и горькое выражение, но как бы смирившее уже с судьбой.

Он сел как-то тоже совершенно глупо, не на софу перед ней, а на большой диван в той стороне, куда она была полу повернута спиной. Сел и сидит, молча. Она еще какое-то время смотрела в пространство перед собой, но потом ее стало это уже бесить, что происходит? Почему этот человек, чья вина была несомненна и доказана, ведет себя так, что она еще должна к нему поворачиваться?!

Она занервничала еще сильнее, и повернула к нему уже очень злое и оскорбленное лицо, а он смотрел на нее спокойно и непробиваемо, после чего Элеонора уже не выдержала и села прямо в кресле, но вдруг ужаснулась от того, что ноги ее в прямом смысле тряслись так, что это было прямо видно, и тогда она срочно их поджала под себя, повернувшись все-таки к нему лицом. Но лицо ей пока удавалось удерживать. Она смотрела на него уже с ненавистью, а он так и продолжал молчать. И вдруг неожиданно для Элеонору ее сдавшие нервы выдали:

– Тебе что, меня совсем не жалко?!

Он только сжал на мгновение губы, но ответа не дал.

– Тебе совсем нечего мне сказать?! – Это уже был выкрик сорвавшегося голоса.

– Я уже все сказал, всю ситуацию объяснил, я думал, что ты мне что-нибудь скажешь.

Он был так спокоен, он, кажется, был готов, готов именно к такому. Он что ее переиграл?

– Послушай, – голос его стал мягче, – Я понимаю, что получилось очень некрасиво, еще и при твоей этой коллеге, как ее? Но у нас же все очень давно заглохло, мы так жили последние лет 10... Это же не отношения вообще.

Он усмехнулся и посмотрел на жену с улыбкой, но она была уже красная и трясущаяся, как перед сердечным приступом, и он осекся, опустил глаза, и уже без улыбки продолжил:

– На счет Марка, я не настаиваю, чтобы он жил со мной, ты не подумай, я ни в коем случае не собираюсь его отбирать, тем более по суду. Это было бы не по-человечески. Я про его школу сказал, потому что подумал, что... Ну тебе, возможно, трудно будет с ним одной, а так он сможет жить и здесь и у нас с Настей. Она только за то, чтобы он с нами жил, она и своих детей хочет и Марка уже очень любит.

Тут Элеонору стало по-настоящему тошнить, она похолодела вся и видимо побледнела, потому что он, взглянув на нее, изменился в лице:

– Тебе действительно плохо? Ты белая прям.

Элеонора почувствовала, что ход за ней:

– Она с Марком общалась?

– Да, прости, это действительно было плохо с моей стороны...

– Плохо? – роль обвиняющей придавала ей сил.

– Ну ужасно гадко, хренового, полное говно! Что ты хочешь услышать? Я тебе боюсь лишний раз что-то говорить, и Марк, между прочим, тоже, ты ж от любой фигни в припадки впадаешь.

– Знакомить нашего сына со своей любовницей – это фигня?!

– Нет, я же сказал, что это мой косяк, я признаю, что это очень плохой поступок, но я хотел быть уверен, понимаешь?

– Нет! – заорала Элеонора, выйдя окончательно из себя, – Не понимаю! Это же наш ребенок! Какой пример ты ему подаешь?! Чему ты его учишь!? Что можно обманывать мать, что можно на мать насрать?!

– Да он сам не хочет с тобой разговаривать ни о чем, – он тоже перешел на крик, – Он боится тебя, ты его запугала своим холодом, отталкиваешь его, как будто это не твой сын, а какой-то нагадивший щенок!

Элеонора почувствовала себя обманутой и мужем, и сыном, но одновременно очень маленькой и слабой, и ей вдруг показалось, что он такой вот родной, как раньше когда-то...

– Пожалуйста, давай забудем это все как страшный сон, я не идеальная, ты тоже косяк на косяке...

– Какой сон, Эль? Я уже все решил, я только боялся вот этих сцен, и тянул поэтому...

– Да это ж какая-то чушь! Что ты решил? Какая Настя? – Элеоноре вдруг стало по-настоящему страшно, ей на секунду показалось что она сошла с ума, что все это ее брак, ее жизнь, просто какая-то галлюцинация.

Но на его лице только проявилась усталость и раздражение.

– Наверное будет лучше, если я съеду прямо сейчас, а то эти выяснения никогда не закончатся.

– Нет! Я не тебя не пускаю! Нет!

В дверях появился испуганный Марк.

– Эль, пожалуйста, я его с собой сегодня возьму. Ты поспи, успокойся, я позвоню завтра, хорошо? Марк, иди оденься быстренько, переночуешь со мной и Настей.

Бессилие обрушилось на Элеонору и сорвало все стоп-краны:

– Вы никуда не пойдете, я вас не пускаю! Я опозорю тебя, слышишь?! Я тебя уничтожу! Тебя с работы выкинут! Я твою Настю эту шлюху найду, ее пробьют по базам, она наверняка проститутка! Где ты ее взял? В стриптиз-клубе? К ней же ни один вменяемый мужчина на пушечный выстрел не подойдет!!! А тебя я прокляну, слышишь, твоя мать родная тебя проклинает! Выродок!!!

Они быстро обулись под аккомпанемент ее воплей и выбежали во двор. Завелась машина, открылись ворота, а Элеонора стояла по середине прихожей, еще держа в руках защитную подушку, но уже не знала, что с ней делать.

Всю ночь почти она не спала, выпила все успокоительные в доме, а уснула только в шестом часу, и с утра позвонила на работу, сказала больно.

Муж, как и обещал, позвонил, спросил, как дела, она сухо ответила, что с ней все в порядке, что он может спокойно подавать на развод, она согласна. Хотя на самом деле она не была согласна ни с чем из происходящего.

Но он поверил, воодушевился ее спокойным голосом и даже сам начал говорить о том, что понимает, как-то надо сообщить это все родственникам и друзьям, его этот вопрос заботит не меньше ее, он хочет закончить все интеллигентно, но думает, что пусть лучше она сама решит, как им будет лучше это сделать.

Она величественно согласилась подумать и действительно задумалась об этом. Это же такой удар по ее репутации, это же ВСЕМ придется об этом рассказать.

Неизбежный надвигающийся позор навалился на нее тяжелой плитой, и было полное ощущение, что плита могильная. Не было ни одной идеи о том, как можно было бы его избежать. И даже если этот жуткий человек одумается, и будет умолять о прощении, все равно все узнают, что он ей изменил, и даже изменял, не разовая ошибка заскучавшего идиота, а прям

целый роман, он купил ей дом! Им вроде как, но оформил же на нее. Можно ли это скрыть? А он, наверное, уже кому-нибудь сказал, о, господи! Как же теперь жить?!

И вдруг в голове Элеоноры возникла прозрачная и сверкающая, как брильянт, мысль, можно даже сказать, что на нее снизошло настоящее озарение. Она поняла, что можно ведь не жить. И перед ней, как нарезка из фильма, понеслись картины такого сюжета: все сочтут ее супруга настоящим монстром, он будет наказан всеобщим осуждением, его замучает чувство вины, он иссохнет и будет совершенно несчастен со своей это тварью, а их сын будет прокли- нать его и себя всю оставшуюся жизнь.

И обставить это можно все так... Ее охватило вдохновение, она перезвонила мужу и ска- зала, что они взрослые цивилизованные люди и должны вести себя соответственно. Развод собственно дело то житейское, вон на Западе люди его даже отмечают, так почему бы и им не устроить какое-нибудь, скажем, барбекю, на которое позвать родных и друзей, и сообщить эту, казалось бы, малоприятную новость, но сделать это легко, с улыбкой, дать понять, что это их общее решение, что они благодарны друг другу за совместные годы и желают друг другу дальнейшего счастья.

Мужу идея очень понравилась, он был так рад, что Элеонора переварила это и так быстро пришла в норму, что взялся все организовать сам, всех позвать, все купить. Она сказала, что, конечно, сделает свои знаменитые в их кругу рулетки из лаваша, которые каждый пикник кто-нибудь просил ее приготовить. В общем, поговорили так, словно двое счастливых супругов обсуждают очередной семейный банкет.

И реальность как-то снова собралась в понятную схему, в которой теперь было ясно, что делать и куда идти. Она тут же вспомнила, что у ее соседки был знакомый, какой-то наркоман что ли, или некромант, совершенно непонятно в чем разница, они однажды с этой соседкой сильно хохотали над ним, когда он каким-то случайным образом затесался в их сверкающую компанию на дне рождения соседкиного брата. Он был такой странный и страшный, молча- ливый и хмурый, с длинными грязными волосами, в прыщах, в дешевой черной одежде. Он умудрялся даже такой элегантный цвет, как черный, превратить в тряпье. Они начали дразнить его, подкалывать, провоцировать, спрашивать о девушках. Им казалось, что выходило очень остроумно, хоть и унижительно, конечно, но тот, почему-то, не обижался и не смущался, а как- то странно улыбался сам себе. А потом разговор зашел о его хобби, ну то есть по образованию он был химик, а увлекался алхимией. Это казалось тогда невероятно смешно, какая еще алхи- мия? И они с соседкой еще долго хохотали потом, представляя его в длинной конусной шапке у котла с зельем, и как он выдавливал в этот котел свои прыщи, умора.

Но тогда он дал ей номер телефона, и сказал, что раз она такая злая, то обязательно захочет когда-нибудь кого-нибудь отравить, и тогда она сможет купить у него быстродейству- ющий яд, который почти невозможно обнаружить при вскрытии. Это было конечно каким-то сумасшествием и, наверное, даже оскорблением, но они так смеялись тогда. И она почему-то сохранила номер.

Она схватила телефон, нашла его контакт и написала:

- Здравствуйте, вы мне как-то говорили, что я могу у вас кое-что купить.
- Кто это?
- На дне рожденья у Сережи Мельника, вы говорили, что я злая.
- А, я понял, 200 000.
- Хорошо, где я могу с вами встретиться?
- Я буду в субботу в 12 в кафе в центре пить кофе.
- В субботу? А раньше никак нельзя?
- Нет.
- Хорошо, ладно, я буду там в субботу в 12.
- Ок.

– Спасибо вам, до свидания.

Было невероятно странно, что это оказалось на столько легко, и от такой удачи Элеонору охватила эйфория. Она стала планировать, как она сделает это, ведь нужно было сделать максимально эффектно. Она думала сначала выпить яд и лечь в ванну, чтобы он нашел ее холодную там, в их доме, который они строили вместе. Он обязательно бы прослезился, не смог бы не заплакать. Но потом решила, что это не то, нужно что-то более масштабное. Поэтому она решила, что лучше будет, когда придут гости, они с мужем сообщат им о решении развода, и именно тогда, при всех, после объявления, она и примет его. Она будет мила и весела, и все будут восхищаться ее выдержкой, когда найдут безжизненное тело на полу кухни, в которой она подготовит восхитительный фуршет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.